

Игорь Колесов

Шестигранный ПОТОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Колесов

Шестигранный поток

«Автор»

2026

Колесов И.

Шестигранный поток / И. Колесов — «Автор», 2026

Игорь Гора, учёный-одиночка, одержим теорией Шестигранного Потока — силы, структурирующей реальность гигантского города-купола СитиЭмм. Когда его команда из инженеров, хакера и бывшего солдата сталкивается с преследованием корпораций, полиции и таинственных «Теней», теория становится вопросом выживания. Беглецы спускаются в индустриальные бездны, где обнаруживают, что сердце города — древний реактор-стабилизатор «Сердце» — смертельно больно из-за вмешательства извне. В союзе с отшельниками и кланами нижних уровней им предстоит прорваться к «Сердцу», отразить атаку спецназа во главе с бывшей возлюбленной одного из них и ценой невероятных усилий стабилизировать реальность. Но победа оборачивается смертельным грузом: теперь они — главная мишень для всех, кто охотится за контролем над мирозданием. Это начало войны за будущее.

© Колесов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПРОЛОГ. ДИРИЖЕР РЕАЛЬНОСТИ	5
ГЛАВА 1. ЭНТРОПИЯ НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ	6
ГЛАВА 2. ГЕОЛОГИЯ БЕЗДУШИЯ: ЛИФТ В ПРОШЛОЕ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Шестигранный поток

ГЛАВА ПРОЛОГ. ДИРИЖЕР РЕАЛЬНОСТИ

Город-купол СитиЭмм спал тревожным, электрическим сном, навязанным ему тиранией совершенства. С высотных уровней, где воздух фильтровался до стерильной чистоты и пах озоном и ароматизаторами «Ледяной сакуры», он был похож на гигантский, безупречный кристалл. Мириады огней мерцали в строгом геометрическом порядке, словно звезды в рукотворной галактике, подчиняясь неведомому, но неумолимому закону. Но чем ниже, тем сон становился тяжелее, насыщеннее, реальнее. На индустриальных ярусах, в полумраке, гудели титанические машины – стальные легкие и железное сердце мегаполиса. Их гул был музыкой труда и прогресса, заглушающей тихий стон изношенных механизмов. А в самых низах, в подбрюшьи, в так называемых «Глубинах», царила вечная ночь, нарушаемая лишь аварийной биолюминесценцией грибков и кострами отверженных – тех, кого система перемолола и выплюнула за ненадобностью. И в самом сердце этого рукотворного мира, на нулевом, фундаментальном уровне, в заброшенном секторе «Дедал», пульсировал артефакт, о котором забыли даже Хранители Хроник. Объект, известный в немногих уцелевших чертежах как «Сердце». Это не было метафорой. Это был гигантский механизм, кристаллический реактор, чьи очертания напоминали одновременно и древний храм, и квантовый компьютер, и живой, бьющийся орган. «Сердце» было дирижером реальности СитиЭмм. Оно не производило энергию в привычном смысле. Оно генерировало и поддерживало шестигранную матрицу – стабилизирующее поле, которое скрепляло ткань пространства-времени в пределах купола, не давая внешнему хаосу и внутренней энтропии разорвать город на клочки. Его низкочастотный гул, не слышимый ухом, но ощущаемый на подсознательном, клеточном уровне, был ритмом, под который бились сердца миллионов. Но «Сердце» было смертельно больно. Десятилетия назад в его первоначальный код, в самые основы его алгоритмов, были умышленно внесены ошибки. Диверсанты из таинственной организации, известной как «Хаос-Культ», совершили акт величайшего террора – не взрыв, а идеологическую диверсию, подменив гармонию на скрытый диссонанс. С тех пор «Сердце» работало на износ, героически сдерживая нарастающее давление искаженной реальности. Его ровный гул иногда срывался на хриплый кашель, а панели управления, скрытые в его недрах, мигали алыми предупреждениями о неминуемом коллапсе. Коллапсе, который не будет простым разрушением. Это будет «Размягчение» – реальность в пределах купола потеряет жесткость, станет текучей, бесформенной, и всё – от зданий до воспоминаний, от законов физики до самих людей – растворится в первозданном хаосе. И в эту ночь, когда «Сердце» вновь затрепетало в аритмии, сбой в его ритме ощутил не компьютер, не датчик, а один-единственный человек. Тот, кто подсознательно чувствовал музыку мироздания и видел узор там, где другие видели лишь случайность.

ГЛАВА 1. ЭНТРОПИЯ НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ

Сознание возвращалось к Игорю не спеша, словно нехотя выползая из густых, черных вод беспамятства. Он не проснулся, а вынырнул, как ныряльщик с отчаянной нехваткой воздуха, и первым, что ощутил, была вселенская, тупая тяжесть в висках. Похмелье. Не просто неприятное состояние, а физическое воплощение вчерашнего морального падения, квинтэссенция распада. «Вот она, энтропия в ее самом отвратительном проявлении, – пронеслась первая, еще сонная, но уже ясная мысль. – Второй закон термодинамики для чайников, примененный к моей личной вселенной. Всё стремится к хаосу. И мой организм – лучший тому пример». Он с трудом разлепил веки. Комната плавала в полумраке. Острые, искусственные лучи утреннего солнца СитиЭмм, пробиваясь сквозь жалюзи, падали на потолок. И он снова увидел их. Шестиугольные узоры, которые система климат-контроля проецировала в ночном режиме для «успокоения психики». В холодном синеватом свете они казались сегодня особенно яркими, почти навязчивыми, пульсирующими в такт его головной боли. «Смотри, – словно шептали они. – Смотри, как всё идеально, гармонично. Порядок. Золотое сечение. Энергетический минимум. А внутри тебя – дикая, варварская сумятица. Ты – сбой в матрице, Игорь. Аномалия. Горящая ветка в костре стабильности». Он с трудом приподнялся, и одеяло сползло на пол с безжизненным шуршанием. В воздухе витал сложный, многослойный запах – вчерашний дешевый виски «Космический странник» с привкусом синтетической смородины и тонкий, до боли знакомый шлейф духов Наташи. «Ночной полет». Грубая, как наждак, реальность и призрачная, ускользающая красота. Точная метафора их отношений. Воспоминание накатило внезапно и ярко, как голограмма. Вчера. Бар «Замерзший ангел» на 38-м уровне. Где-то за стеклянной стеной проплывали, словно светящиеся медузы, рекламные дирижабли. Наташа, сидя напротив, вертела в длинных пальцах стопку с чистым синти-виски. Ее карие глаза, обычно такие живые и насмешливые, были холодны и непроницаемы.

– Ты опять за свое, Гора! – ее голос резал тишину их углового столика. – Шестиугольники на потолке, шестиугольники в траекториях твоих дурацких тренировок с посохом! Мир не идеален! Проснись! Он грязный, пиздецовый и хаотичный! И никакой твой выдуманный „Шестигранный Поток“ не может этого изменить!

– А я и не говорю про идеал! – он слышал в своем голосе отчаянные, почти детские нотки. – Я говорю про фундаментальную силу, Нать! Про принцип! Силу, которая этот хаос обуздает! Которая заставляет молекулы воды выстраиваться в идеальные снежинки! Которая заставляет галактики закручиваться в спирали! Мы просто живем внутри одного гигантского, многоуровневого гексагона! Эту последнюю фразу он, конечно, проглотил. Сказать Наташе, что ее ярость, ее бурлящая, неукротимая энергия – это, по его мнению, лишь частное, хоть и великолепное, проявление той самой упорядочивающей силы Вселенной, было бы равносильно самоубийству. Его Наташа не терпела, когда ее низводили до физического явления. Резкий, вибрирующий звук разорвал тишину, словно кто-то провел костяшками пальцев по оголенному нерву. Телефон на прикроватной тумбочке подпрыгнул, проецируя в воздух мерцающий профиль аватара – лохматый мамонт. «ДИМАНЫЧ». Картинка была замыленной, но лицо Диманыча – землисто-серое, в мелких каплях пота, выступивших на щетине, было отчетливым. Но главное – глаза. В них читался животный, неконтролируемый ужас. Не просто страх, а primal terror, который Игорь видел лишь раз в детстве, когда они с Сеней забрались в заброшенный вентиляционный коллектор и наткнулись на гнездо одичавших крыс-мутантов размером с терьера.

– Гора! – голос его был похож на скрежет ржавого металла, перемешанного с гравием. – Вставай, блять! Проснись! Ты меня слышишь?! – Что случилось? – собственный голос прозвучал сипло и чужим, будто принадлежал не ему, а тому, кем он был вчера: слабым, сломлен-

ным, опустившимся человеком. – Нас накрыли. По-полной. По всем фронтам. И мусора, и эти ублюдки Слона. И, кажется... еще кто-то. Тихие, в черном. Ни звука, ни эмоций. Как призраки. Сбор у Норика. Через пятнадцать. Не проеби, слышишь? Иначе всем пиздец! Связь прервалась. Игорь продолжал сидеть, глядя на потемневший экран, в котором угадывалось его собственное отражение – осунувшееся лицо, запавшие глаза, тень былой уверенности. «Накрыли. Финальное торжество хаоса. Энтропия, входящая в завершающую фазу. Система стремится к равновесию – к тепловой смерти нашего маленького бунта». Он заставил себя подняться. Ноги были ватными. Пробрался на кухню, налил в чашку остатки вчерашнего холодного кофе. Сделал глоток, почувствовав, как кислая жижа разъедает и без того беспокойный желудок, и подошел к панорамному окну, встроенному в стену из умного стекла. СитиЭмм просыпался. Гигантский город-купол, золотая клетка для миллионов, сверкал и переливался, словно живой кристалл. С высоты 42-го уровня он казался воплощением порядка и мощи. Но Игорь знал – эта идеальность была обманкой, тонкой пленкой, натянутой над бурлящим котлом хаоса. И тут он увидел. Нет, почувствовал. Лучи искусственного солнца, преломляясь в многослойном, самоочищающемся стекле купола, на долю секунды сложились в нечто большее, чем просто свет. Его сознание, отточенное годами исследований, уловило саму ткань реальности – бесчисленные потоки энергии, струящиеся по невидимым каналам, образуя гигантскую, пульсирующую шестигранную решетку. Она дышала. Она была живой. И в этот миг ее дыхание сбилось. Краткий, но мощный спазм, словно судорога, прошел по всему полю, заставив свет померкнуть, а стекло под его пальцами едва заметно вздрогнуть. «Холод структурирует... – его теория, его навязчивая идея, вдруг обрела пугающую, осязаемую реальность. – А тепло разрушает. Мы живем на лезвии бритвы, на грани фазового перехода. И эта грань только что дрогнула. „Сердце“ сбоит. И это не случайность». Он потянулся за одеждой – простыми черными джинсами и серой футболкой с едва заметным логотипом его старого университета. Его взгляд упал на вчерашние чертежи, валявшиеся на полу рядом с диваном. Он наклонился и поднял один лист, смятый в спешке или в гневе. В центре он снова, почти бессознательно, нарисовал шестиугольник. Но на этот раз не статичный. Внутри – стрелки, спирали, векторы – диаграмма мощного потока, врывающегося в хаотичное облако частиц и заставляющего его кристаллизоваться, выстраиваться в сложную, но упорядоченную структуру. «Это не паутина... – окончательно осенило его, как удар разрядом. – Это река. Мощная, неостановимая река. Шестигранный Поток. И мы все в ней плывем. А кто-то пытается воздвигнуть плотину. Или направить ее в другое русло». Он подошел к своей верной технике – электронному моноколесу «Архимед-Х». Корпус был покрыт сколами и царапинами – свидетельствами бесчисленных поездок по нижним, непарадным уровням, где он собирал данные для своей теории. Оно весило около 15 кг, было невероятно маневренным и разгонялось до 35 км/ч. Не самый мощный, но самый надежный зверь. Он поставил ногу на подножку. Моноколесо с тихим, почти живым гулом ожило, почувствовав хозяина. Он толкнулся второй ногой, и устройство, поймав равновесие, понесло его к выходу. Он не шел пешком – он ехал, даже чтобы преодолеть несколько метров до лифта. Это был его принцип. Движение. Постоянное движение в Потоке. Выйдя из квартиры, он вызвал лифт и закатил в него моноколесо, привычно придерживаясь за поручень. Плавный и бесшумный, как гондола в Венеции, он понес его вниз, в индустриальное чрево города, навстречу хаосу, который уже стучался в двери, и навстречу друзьям, чьи жизни теперь зависели от его теории, которая из абстракции стремительно превращалась в единственный план спасения.

ГЛАВА 2. ГЕОЛОГИЯ БЕЗДУШИЯ: ЛИФТ В ПРОШЛОЕ

Лифт, прозрачная капсула из закаленного голографического стекла, плавно понес Игоря вниз. Это было путешествие не просто между этажами, а сквозь геологические пласты городского общества, каждый со своей атмосферой, давлением и населением. С каждым уровнем он чувствовал, как меняется реальность – не только за стеклом, но и внутри него. Его моноколесо мягко гудело под ногами, единственная постоянная в этом меняющемся пейзаже. «Спуск в лифте – лучший учебник по социальной динамике СитиЭмм, – подумал Игорь, глядя на мелькающие цифры. – И по моей теории. Сверху – холодный, статичный порядок. Внизу – горячий, кипучий хаос. А между ними – тонкая грань, где и рождается жизнь». На его уровне, 42-м, «Уровне Крон», царил стерильная, давящая тишина. Полированный хром, сияющее стекло, приглушенный свет, исходящий от самих стен. Воздух пах озоном и дорогими ароматизаторами с нотками белого чая и сандала – запах, который Игорь в шутку называл «ароматом безупречной скуки». За стеклом мелькали рекламные голограммы новых нейроинтерфейсов и летающие платформы личного пользования – «аэрослики», бесшумно скользившие по выделенным воздушным коридорам. «Вершина пищевой цепи СитиЭмм. Или ее консервная банка. Они закатали себя в вакуум упаковки роскоши. Холод без цели – это просто смерть. Энтропия в вакууме, стремящаяся к нулю, но и жизнь там тоже стремится к нулю». Он вспомнил, как год назад на одном из корпоративных приемов в отеле «Небесный мост» он пытался объяснить основы своей теории вице-президенту корпорации «Омега», доктору Петрову. Тот, попивая синтетический шампанский, снисходительно улыбнулся: «Милый Игорь, вы, технари, всегда ищите красоту в хаосе. Но наш бизнес – это контроль. Мы не ищем поток, мы его канализуем. В трубу. И вращаем ею турбины. Ваши шестиугольники – это мило, но бесполезно». Тогда Игорь впервые с предельной ясностью осознал пропасть между его видением мира и видением тех, кто им управлял. Лифт с мягким шипением остановился на 30-м уровне, «Уровне Муравейника». Двери разъехались, впуская шумную, дурно пахнущую толпу. Атмосфера сменилась мгновенно, как при переходе в другую стихию. Давление в ушах изменилось. Пахло дешевым кофе из автоматов «Кофейный инжектор», сладкой, прилипающей к небу выпечкой, потом и перегруженной электросетью – запах горячей изоляции и пота. По узким коридорам, помимо пешеходов, сновали грузовые дроны-пауки на шести конечностях, проворно объезжая людей и доставляя посылки. Люди в дешевых, но чистых костюмах, с планшетами и пустыми, уставшими взглядами. Они вливались и выливались из лифта, как кровяные тельца в артерии города. Жизнь, кипящая, суетливая, неидеальная, но настоящая. «Энтропия в действии. Но уже социального, человеческого порядка. Не распад, а брожение. Постоянное движение, поиск, энергия. Бактерии в чашке Петри, которые и есть настоящая жизнь города». Он видел, как молодой курьер, почти мальчик, с синяком под глазом и сломанным наушником, отчаянно расталкивал локтями толпу, опаздывая на доставку. Его звали Марк. Игорь знал его. Парень мечтал скопить на нейроинтерфейс подешевле, чтобы учиться программированию. Игорь вспомнил себя в юности, когда он подрабатывал на складе термостабилизаторов, чтобы купить первые компоненты для своего первого резонансного сканера. Именно там, наблюдая, как ящики с деталями, падая с конвейера, выстраиваются в почти идеальные шестиугольные кластеры, он и загорелся своей теорией. В лифт протиснулась пожилая женщина с тележкой, заполненной пробирками с какими-то культурами. Тетя Грета, биолог с муниципальной фабрики по производству синтезированного мяса. Она когда-то тайком подкармливала юного Игоря, когда у того не было денег на еду, в обмен на помощь с починкой лабораторного оборудования. Она кивнула ему, и в ее глазах он прочитал немой вопрос: «Опять ввязываешься

во что-то, мальчик?» Он ответил едва заметным вздохом. Да, тетя Грета. Опять. Когда лифт достиг 10-го уровня, «Стального Пояса», его ударило в нос знакомым, почти родным густым букетом запахов. Индустриальный сектор. Воздух был пропитан парами машинного масла, жженой резины, едкой химии и чем-то сладковато-трупным – это был запах разлагающейся органики, смешанной с металлом, который шел с перерабатывающих комбинатов «Рецикл-Макс». Здесь не скрывали суть вещей. Здесь она была обнажена, груба и честна. Здесь царил хаос в его чистом, первозданном виде, и борьба с ним велась голыми руками, упрямством и смазкой «Ультра-Глим». Над проезжей частью, заваленной ржавым хламом, низко пролетали массивные грузовые мультикоптеры с дымящими от перегрузки двигателями, их тени скользили по фасадам обшарпанных общежитий. Он выкатил из лифта на моноколесе в длинный, слабо освещенный, закопченный коридор. Стены были покрыты граффити – примитивными рисунками, бандитскими метками клана Слона и странными, почти сакральными символами, которые оставляли те, кто еще помнил о «Сердце» и верил в его существование. Под ногами хрустел мусор. Где-то вдалеке слышался гул гигантских прессов, скрежет металла и яростные, бессмысленные крики – вероятно, очередная разборка между бандой «Стальные Клыки» и бригадой вольных сварщиков. Это был его мир. Мир, который он пытался понять, который он измерял своими приборами и описывал уравнениями. Мир, который сейчас был на грани коллапса. Он направился к шиномонтажу Норика. Это была не просто мастерская, а настоящая цитадель в царстве ржавчины и металла, оплот частного предпринимательства и старой, «человеческой» морали посреди индустриального ада. Снаружи это было массивное, приземистое строение, увешанное неоновыми вывесками с изображением шин и логотипами грузовых брендов. Рядом располагался большой складской ангар – магазин грузовых шин, новых и б/у, гордость Норика. Оттуда доносился оглушительный, но странно гармоничный грохот — симфония труда. Сквозь открытые ворота был виден Ержан, коренастый казах с лицом, высеченным из дуба, который орал на своего вечно виноватого помощника, Пахома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.